

УДК 130.2: 7.038.6
ББК 87.667.1
К 16

Издание осуществлено при поддержке профессора Вадима Гусаченко

Рекомендовано к печати ученым советом
философского факультета
Харьковского национального университета
имени В.Н. Каразина
(протокол № 11 от 22 июня 2010 года)

Редакция выражает благодарность
Центру визуальной культуры и медиа-коммуникаций
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина
и кафедре культурологии Харьковской государственной академии
культуры за помощь в подготовке этого издания

Редакционный совет:

В.С. Бакиров, Н.С. Бусова, С.А. Голков, В.В. Гусаченко,
Л.Н. Дениско, С.А. Заветный, И.В. Карпенко, Н.С. Кораблева,
А.М. Кривуля, О.Н. Перепелица, М.Е. Шильман

Редакционная коллегия:

Л.С. Гоц, Д.В. Петренко, Н.С. Прилипченко,
Л.В. Стародубцева (гл. ред.), Ю.В. Школьник

К 16

Какой модерн? Философские рефлексии над ситуацией
пост/недо/*after-post*/*пост-пост*... модернизма : Колл. моно-
графия, посвящ. 70-летию юбилею д. филос. н., проф.
А.А. Мамалуй. В 2 т. / Харьк. нац. ун-т имени В.Н. Каразина ;
под. ред. Л.В. Стародубцевой. — Т. 1. — Х. : ХНУ име-
ни В.Н. Каразина, 2010. — 374 с.

ISBN 978-976-8308-03-01

В коллективной монографии представлены материалы дис-
куссии на тему «Какой модерн?», инициированной в 2007-2008 гг.
доктором философских наук, профессором Александром Мамалуем. Благодаря конкурсу эссе и научно-исследовательских работ
на ту же тему дискуссия приобрела характер всеукраинского поли-
лога, посвященного опыту философских рефлексий над ситуацией
пост/недо/*after-post*/*пост-пост*... модернизма.

Для философов, культурологов, социологов и всех гуманитариев,
интересующихся поиском альтернатив угасшему постмодернизму.

УДК 130.2: 7.038.6
ББК 87.667.1

- © Мамалуй А.А., 2010
- © Коллектив авторов, 2010
- © Стародубцева Л.В., сост., ред., предисл.,
дизайн, худож. оформл., 2010
- © Соломяный Р.Н., дизайн обложки, 2010
- © Харьковский национальный университет
имени В.Н. Каразина, издание, 2010

ISBN 978-976-8308-03-01

МОДЕРН, КОТОРЫЙ СМЕЕТСЯ

Михаил Шильман

Принцип современного мира требует, чтобы то, что каждый должен признавать, обнаруживало себя ему как правомерное.

Г.В.Ф. Гегель ¹

После шумного взрыва смеха мы еще долго стояли перед этим фаллосом современности.

Ж. Деррида ²

Циркуляция вопроса «какой (же) нынче модерн?» отмечает время, исхода из которого по-прежнему нет. Несмотря на то, что многоликая «современность», похоже, утвердилась навечно, уже имеющий свою историю (!) постмодерн (или, с оглядкой на поставленный

© Шильман М.Е., 2009

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 352-353.

² Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. Мн.: Современный литератор, 1999. С. 242.

вопрос, — ?-модерн, что может считаться эквивалентом) до сих пор остается, по словам Ж. Бодрийяра, «неопознанным теоретическим объектом»³. Такое положение вещей как нельзя лучше характеризует (текущее) состояние состояния постмодерна.

Заведомая невозможность установления жестких демаркаций между модерном и постмодерном лишней раз подтверждает (как оказывается, едва ли не бесконечную) способность модерна к изменениям. В этом смысле наблюдающееся на текущий момент выступает и как «неоконченный проект», и как «не-спроектированный конец», — состояние, лишённое и проективности, и окончательности. В то же время, наблюдение какого-то «другого модерна» указывает на некое различие, грань которого уже (всегда) перейдена. Модерн как «не-иное» уступил место модерну, склонному к мутациям, но при этом всякий ?-модерн выделяясь из модерна, является, в первую очередь, модерном. Модерн *de facto** продолжает оставаться тем богатством, наследием и капиталом, — одним словом, тем *состоянием* — которое позволяет современности и получать свои дивиденды, и эпатировать себя растратами.

Двойственность и двусмысленность понятия «состояние» отсылает и к модерну — как долгой истории накопления, сбережения и приумножения, и к постмодерну — как возникающей «после истории» щекотливой ситуации наследования, расплаты и раздела. В отличие от производства, несомненного самого по себе, всякая дистрибуция сама по себе сомнительна. Если постмодерн наследует модерну, а модерн достается постмодерну в наследство, то их стык — в двойне сомнителен. С одной стороны, как убеждает Ж.-Ф. Лиотар, «все, доставшееся в наследство, даже пусть и

³ Меланхолический Ницше. Беседа с Жаном Бодрийяром. См.: <http://www.gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/gtmarket/2006/663>.

от вчерашнего дня... должно быть подвергнуто сомнению»⁴. С другой стороны, подозрительны всякая претензия на статус наследника и любая попытка вступить в права на наследство.

Модерн является основанием/состоянием (для) постмодерна; не имеющий собственного основания постмодерн есть (как) состояние/диагноз модерна. Соучастие обоих модернов в современности очевидно, а значит, речь в дальнейшем следует вести о смысловых оттенках дистанции между ними и об использовании постмодерном своего достояния.

Постмодерн должен пониматься технологично — как обогащение модерна, исчерпавшего или, точнее, обеднившего собственные ресурсы. Его «отличает» от модерна извлечение «полезных ископаемых» из «философских отвалов» — обнаружение, актуализация и (пере)запуск в оборот маргинальных, «побочных», не афишированных или приговоренных к умолчанию проблем и тем, которые были о (т) ставлены и (за/от) брошены модерном как неудобоваримые. В ретроспективе может показаться, что они «играют в паре»: их сопряжение как нечто не-единое, нецелое, но «общее» удерживает дистанцию, подобную той, что неизбежно возникает между стратегией распашки новых земель и рекультивацией старых угодий.

Обнаруживая (еще) нечто в модерне, постмодерн обнаруживается (там же): как тут не согласиться с Ж.-Ф. Лиотаром, видящим в постмодерне спрятанную часть модерна и «разработку упущенного изначально»⁵. Постмодерн и «входит в модерн» (Ж.-Ф. Лиотар), и «проступает в модер-

⁴ *Лиотар Ж.-Ф.* Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // *Ad Marginem*'93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. М.: Ad Marginem, 1994. С. 321.

⁵ *Lyotard J.-F.* *The Postmodern Explained.* Minneapolis: University of Minneapolis Press, 1993. P. 80.

не» (В. Вельн), и — «в форме возобновления и необходимости наверстать упущенное» (П. Слотердайк) — является/питается *отходам* (от) модерна. Настоящее же — после калькуляции доходов с модерна и расходов на модерн — зачастую видится не преходящим, а отходящим.

Переосмысленное Бодрийяром понятие «отходов» как нельзя лучше подходит для определения постмодерна как состояния невозвращения и тотальной обратимости — не имеющей основания и контура фигуры бесконечного *Re-*. В таком смысле/ключе постмодерн — это не *flashback**, а *recycling*. Современность, по мнению Бодрийяра, уже не различает используемое и оставленное; в ее (полном?) распоряжении есть «...отходы, всего лишь отходы... это не следы прошлого и не руины, которые все-таки представляют собой почтенные памятники старины»⁶. Отходам не находится оппозиции — «невозможность определить, что же является отходами другого... позволяет любому термину быть отходами другого...» — а потому «...отходы заставляют вас смеяться»⁷, оказываясь нео(б/т)ходимы. В этом смысле проект модерна как истовое и бескомпромиссное производство «серьезного знания» неизбежно вызывает почти-тотальный смех, служа, в известной мере, и отходами от того знания, которое не выдерживало (в свое время) проверки на серьезность, и путями в обход постановки вопросов, казавшихся философски смехотворными.

Констатируя принципиальную невозможность какого-либо безотходного производства, постмодерн вносит смещение в классическую субординацию серьезного и не-серьезного, предлагая игру, в которой всякое знание служит отходом (для/от) другого знания. Оппозиции, где каждому члену, находящемуся на своем (законном) месте, «не

⁶ Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. 1997. № 9. С. 107-116.

⁷ Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Michigan: University of Michigan Press, 1994. P. 157.

до смеха», сменяются сегодня диспозициями, в которых *ито*-решение проблем достигается посредством вольного *ито*-мещения элементов. Исходя из этого, есть резон вести речь о постмодерне как о *смещенном* модерне. То есть о модерне, прямо или косвенно равняющем в правах смех и мудрость в качестве (взаимных) отходов друг друга.

Любые «отходы модерна» есть также и «обходы модерна» — попытки каким-то образом и обойти («обогнать»), и избежать («не повторить»). Постмодерн ищет различные пути о(б/т)хода модерна, чтобы его о(б)ставить. Он отстраняется и отстоит от модерна, но, в то же время, отстраняет его. В итоге, отстающий от постмодерна и отстаиваемый им же модерн неизменно каким-то образом остается отстоянным отстоем: «...модерн остается обречен на самого себя...» — заключает Слотердаjk — и добавляет: «Мы говорим "постмодерн" со смущенной улыбкой, как если бы знали, что он должен был бы называться "*еще-модерн*"»⁸.

В продолжение этой мысли (пост)модерн приходится ассоциировать с возгласом «ах, оставьте!» — отчасти игровым, предельно двусмысленным, сопровождаемым и смущением, и улыбкой. Когда имеет место «возвращение отходов»⁹ — констатирует Бодрийяр, — остаточное становится избыточным. Модерн отходит, оставаясь *смущенным*. *Уlost*-модерн — это «черная метка» модерну, на оборотной стороне которой нацарапано «смещен». Что, впрочем, не означает ни устранения, ни уничтожения, ни снятия — это есть см(е/у)щение, перехват власти, в результате чего безусловная серьезность развенчивается, удаляется... но не отбрасывается, а остается — лишенная величия, «играющая отходную», вызывающая смех.

⁸ Слотердаjk П. После истории. См.: <http://www.nsys.by:8101/klinamen/fila22.html>.

⁹ Baudrillard J. Цит. соч.

(Превращения отходов провоцируют двусмысленность и смех, — «они непристойны, поскольку они обратимы и заменяются внутри себя» (Бодрийяр). Современность как «непристойный модерн» (С. Жижек) смешна. Облеченный недоверием и смущением модерн, теряющий, по свидетельству Лиотара, все признанное «великим» и всех признанных «великих»¹⁰, оказывается смехотворен. Смехотворность, в данном случае, означает не столько ничтожность текущего *?-модерна* по сравнению с Модерном, сколько саму способность современности смеяться. Современное состояние вызывает смех (на себя), в виду того, что оно не может ни отвратить(ся) (от) отходов прошлого, ни предотвратить (своих) отходов в будущем.

Деформация современной диалектики попытками чистого сохранения — возведением мавзолеев и мумификацией тел (в равной степени тел физических, политических или социальных) сыграла с модерном дурную шутку. Размягчая «снятие», подразумевающее не бальзамирование, но очистку, претензия на окончательное и не-сняемое утверждение привела к не-утвердительности модерна. Как только модерн перестал выполнять ассенизационные функции в отношении самого себя, он (из/за)гадился.

Отказывая модерну в признании его величия, насмехаясь над модерном, постмодерн в первую очередь выпускает на волю и реабилитирует некогда погребенный модерном смех. Как утверждает в тон Ф. Ницше Ж. Делез, «смех обладает «великим свойством» и в качестве такового он способен заменить «великого героя» или вообще «великое» метанарраций.¹¹ Так, «смеясь, человечество прощается со своим прошлым» (Маркс), но — вживляя в него современность и застывая (навсегда?) в неподдельно прощальных

¹⁰ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетея, 1998. С. 10.

¹¹ Делез Ж. Ницше и философия. М.: Ad Marginem, 2003. С. 376.

позах. С известной долей иронии диагностирует это состояние и Лиотар, полагая, что постмодерная современность «...не является модернизмом в своем завершении, а модернизмом в своем зарождающемся состоянии, и состояние это постоянно»¹². Постоянность зарождения модерна, будучи в то же время и постоянностью прощания с модерном, создает анекдотическую ситуацию «стояния в дверях», где «прощаться» не означает «уходить», а «медлить» не означает «оставаться». В этой безысходно возникающей неловкой «промежности», в опере-буфф, которую ставит постмодерн, модерн *volens nolens** исполняет (невеселую арию «еврейского гостя» — того, кто прощаясь не уходит. Однако же, эта партия, полная (не)скрываемого нарциссизма, необходима, — ибо современность жива как реинкарнация того, что «изначально» (со)держится в модерне и (про)является в его обращении к себе. В определенном смысле постмодерн — это поза брошенного модерна, позаброшенный модерн, (уже) непризнанный модерн — не снятый, не избытый, но рассмешенный. Модерн, который (наконец-то) смеется.

Так сбывается мечта Ницше — замена величия высшим, «золотым смехом», который подрывает трагичность труда и борьбы: именно «смех осуществляет "трансмутацию мучения в радость"»¹³. Смех лишается ярлыка «злого недуга человеческой природы» (Г. Гоббс) и преступает запрет на изображение в роли того, что «одолевает достойных людей» (Платон), — теперь он «по праву» символизирует разрушение всякого механизма безусловного признания. Смех, определяемый Ж. Деррида как «утверждение, постороннее всякой диалектике»¹⁴, «обезоруживающий взрыв»

¹² Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? С. 321.

¹³ Делез Ж. Цит. соч.

¹⁴ Деррида Ж. Голос и феномен. СПб: Алетейя, 1999. С. 204.

высекается из (того, несмешного) модерна как нечто «внеположное дискурсивности и проактивности».

Постмодерн не прогрессирует и не причиняет прогресса; смех не снимает и не снимается, — в этом залог их союза. Гегель не мог не заметить таящейся силы смеха, в котором «...находит свое воплощение ощущаемое за счет смешного предмета согласие субъекта с самим собой»¹⁵. Но — доверимся Деррида — «...в гегелевской системе смех отсутствует...»¹⁶. За смехом стоит «переворачивание» без снятия, уничтожение без сохранения, самонаслаждение субъекта, достигающееся без усилий. Смех возникает тогда, когда «...нечто сразу превращается в свою противоположность, следовательно, непосредственно само себя уничтожающее...»¹⁷. В гегелевском мире смех безответственно несет слишком простую, «незаслуженную» свободу, — ощущение свободы без борьбы, отпущение грехов без покаяния. Он не чинит преград и не преодолевает их, играя «поверх барьеров». И смех *над* модерном, *поверх* модерна — лишний пример того, как невозможно вчистую освободиться от представляющегося предельно смешотворным. От того, что ничтожится, не уничтожаясь, снижается, не унижаясь, и уходит не уходя.

Текущая ситуация «современности» характерна не столько унижением или принижением, сколько снижением модерна — имеется в виду намеренное «опускание уровня», «понижение градуса». Постмодерн — это *сниженный* модерн, понижение степени модерна. Что не может означать ни (полного) падения модерна, ни (полного) «падения планки» модерна. Собственно, модерн — с оглядкой на его многолетнюю выдержку — проверяется не на вкус, но на крепость. Он не исключается из меню, присутствует в ас-

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М.: Мысль, 1977. С. 122.

¹⁶ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С. 10.

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. С. 122.

сортименте, приправляется различными ингредиентами, сервируется и — *потребляется*.

Подогреваемая идеями Просвещения безотносительная потребность в модерне превратилась на сегодняшний день в обставленное множеством условий потребление модерна. Оказалось, что модерн не само-ценен и его можно (и должно) «оценить по заслугам». Вопрос «Во сколько нам обошелся проект Модерна?» получил свое постмодерное разрешение: модерн в формате самоцели был оспорен, а его постоянная и несомненная (а потому — «непотребная») ценность модифицировалась до переменной потребительской стоимости. Таким образом, выйдя во второй половине XX века на мировой рынок в поисках своего «негероического» потребителя, модерн оказался и преданным, и проданным.

Постмодерн как *преданный* модерн — это и следствие предательства модерна, и состояние неотступности, неотвязности, несвободы (от) модерна. Принципиальная невозможность окончательного освобождения (потребителей) (от) (модерна) вынуждает в наше время предельно сближать такие понятия как «свобода» и «баланс». Уравновесить держателя истины — Спасителя, который «никогда не смеялся» (У. Эко), — может лишь утверждающий истину со спасительным смехом. То есть тот, у кого сохраняется «инстинкт истины» (Ж. Деррида) и кто дает согласие на «игры истины» (М. Фуко), но — с ницшеанской уверенностью в том, что «...ложной назовется у нас всякая истина, у которой не было смеха»¹⁸.

Воскресение освобождающего (ся) смеха диктуется — опять же — двуличием современной ситуации: с одной стороны, философия пребывает в контрактном размежевании с силами не-философскими, представляющими для нее

¹⁸ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 153.

(серьезную) опасность, и — как замечает Делез — «...если ей суждено умереть, то по крайней мере это будет смешно»¹⁹. С другой стороны, философия контрастно сторонится сил «экстра-философских», по чьим правилам она должна была бы (продолжать) вести борьбу за «всеобщее признание» с предельной серьезностью и риском для жизни. Результатирующим же оказывается то состояние контра(с/к)та, в котором философия не «собирается с силами», чтобы соперничать, и не гарантирует серьезность своих претензий. Напротив, ее *разбирает* смех. Как заметил Кант, освобождающий «жизненные силы от затруднений» «смех разбирает нас сильнее всего тогда, когда нужно сохранять серьезность»²⁰. В нашем случае затруднения, вызванные чрезвычайной плотностью (недавнего) модерна, указывают на очевидный избыток серьезности, который требует «разрядки». Необходима рефлексия, в ходе которой (с)проектированное и (почти) построенное не разрушается, но разбирается (со) смехом. *Пост* смеется над модерном как Слуга — над Хозяином: не претендуя на его место, не имея своего.

Философия не без опаски идет на (не)серьезные «разборки с модерном», т.е. на разбор (результатов/остатков/отходов) модерна: она разбирает признанные мыслительные конструкции, констатируя тот факт, что в них гипертрофия одних элементов сопрягается с атрофией других. В то же время, охота за современными диспропорциями оборачивается эффектами «пере-регулирования» философского дискурса. Атрофированные элемента модерна гипертрофируются постмодерном и наоборот — гипертрофии модерна остаются без привычной подпитки. «Очередной» модерн остается очередным нарушением «процессов питания» западноевропейской мысли, ведущим к очередным патологическим изменениям, т.е. к неизлечимой дистрофии, которая (уже дав-

¹⁹ Делез Ж. Переговоры. СПб: Наука, 2004. С. 177.

²⁰ Кант И. Соч. В 6 т. Т. 2. М.: Мысль, 1964. С. 211.

но) должна быть понята как если не синоним мышления вообще, то как его существенный и (не)устраняемый признак.

В «итоге», деконструкции постмодерна — как попытки нейтрализовать «нарушенный обмен веществ» — оставляют современность в дрящемся (полу)разобранном состоянии (раз)решения своих противоречий, что есть — в гегелевском смысле — игра, спорт, эрзац «признания». Ибо признание, которое подразумевает сокрытие истории упущенных возможностей и снятие заслуг, уже не признается. Напротив, (пере)избытку модерна требуются сбалансированность, уравновешенность, рассредоточение, чему и служит смех, способный и отказать в признании, и воздать/получить по заслугам.

На наших глазах смех разбирает (*посп*)модерн, который смеется с риском для смерти *над* риском для жизни. Это смех над «(раз)ряженным» Модерном: над «платьем короля», над тем, что/кто рядится в модерн, над мутациями и имитациями модерна. Смех, раздражающийся над модерном, утверждает «*фразреженный*» модерн, понижая плотность среды последнего для того, чтобы она была не только средой героического присутствия, но и средой повседневного обитания, «реального» обывания. (*Пост*)гегелевский вариант «просвещенного модерна» квалифицируется постмодерном как «беспросветный модерн», потому как обнаружить какой-либо (про) свет «за Гегелем, в его необъятной тени» (Деррида) не представляется возможным. Нынешний вариант ответа на хрестоматийный вопрос «*что такое просвещение?*» неминуемо связывается со всем тем, что (философии) остается — со смехом «над Гегелем» и «над снятием» (Деррида). Подобный ответ будет и анализом современного наследства — «светоносных метафор», и расширением артикула технологий светотехники. В любом случае он будет игрой с изменением углов освещения, открывающей новые контрасты. И эта игра — с (пере)отбрасыванием теней, с попытками а la Ницше

пройти(сь) «над» и «поверх» — чревата всеми видами поверхностности, и триумфами поверхностей.

Пожалуй, корректно было бы говорить не о состоянии постмодерна, а о его состояниях, имея в виду принципиально открытое множество. Раз выбранный модерн превращается сегодня в *разобранный* модерн — незаконченный в каждой из своих моделей и недостаточный в каждом из своих определений — т.е. в делящееся избрание (какого-то, очередного) модерна. Разбирая модерн (на части), а тем самым и выбирая/извлекая модерн (из модерна) по частям, постмодерн отказывает модерну в признании единственного образа целого. Этим он оказывает (всем) поистине неоценимую услугу: *поднимает* модерн не снятием модерна, а тем, что поднимает его на смех. Умение о(т)казываться, «имеющееся» на сегодняшний день в качестве нефиксированного «состояния», — это модерн, поставленный на дыбы/поднятый на дыбу. Это некий *modernus (e)rectus** — современность напряженная, вздыбленная, (при)поднятая, (was)двигающаяся. Это модерн, сохраняющий свои черты, родимые пятна и «правильную осанку» — не пепел, но сам Клаас, который еще слишком дорог уму, но уже не принимается слишком «близко к сердцу».